

★ НА ЛИНИИ ОГНЯ ★

ОКОПНАЯ ПРАВДА = ВЕЛИКОЙ = ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

САМЫЕ ПРАВДИВЫЕ
ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

ВЛАДИМИР ПЕРШАНИН

На линии огня

Владимир Першанин

**«Окопная правда» Великой
Отечественной. Самые
правдивые воспоминания о войне**

«Яуза»

2021

УДК 355/359
ББК 68

Першанин В. Н.

«Окопная правда» Великой Отечественной. Самые правдивые воспоминания о войне / В. Н. Першанин — «Яуза», 2021 — (На линии огня)

ISBN 978-5-00155-337-3

К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ! Эта пронзительная книга – настоящая исповедь выживших в самых жестоких боях самой страшной войны в истории человечества: разведчиков, танкистов, штрафников, десантников, пулеметчиков, бронебойщиков, артиллеристов, зенитчиков, пехотинцев. От их простых, без надрыва и пафоса, рассказов о фронте, о боях и потерях, о жизни и смерти на передовой, о том, через что пришлось пройти нашим дедам и прадедам, какой кровью заплачено за Великую Победу – мороз по коже и комок в горле. Это – подлинная ОКОПНАЯ ПРАВДА, так не похожая на штабную, парадную, «генеральскую». «Героев этой книги объединяет одно – все они были в эпицентре войны, на ее острие. Им нет нужды рисоваться. Они рассказывали мне правду... Как гибли в лобовых атаках тысячи солдат, где ночевали зимой бойцы, что ели и что думали... Они отдали Родине все, что могли. У каждого своя судьба, как правило, очень непростая. Они вспоминают об ужасах войны предельно откровенно, без самоцензуры и умолчаний, без прикрас...» В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 355/359

ББК 68

ISBN 978-5-00155-337-3

© Першанин В. Н., 2021

© Яуза, 2021

Содержание

Смертное поле	7
От автора	7
Танкист сорок первого года	8
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Першанин
«Окопная правда» Великой Отечественной.
Самые правдивые воспоминания о войне

Фотография на обложке:

© Всеволод Тарасевич / РИА Новости.

© Першанин В.Н., 2021

© ООО «Яуза-каталог», 2021

Смертное поле

От автора

Героев этой книги объединяет одно – все они были в эпицентре войны, на ее острие. Сейчас им уже за восемьдесят. Им нет нужды рисоваться. Они рассказывали мне правду. Ту самую *«окопную правду»*, которую не слишком жаловали высшие чины на протяжении десятилетий, когда в моде были генеральские мемуары, не опускавшиеся до «мелочей»: как гибли в лобовых атаках тысячи солдат, где ночевали зимой бойцы, что ели и что думали. Бесконечным повторением слов «героизм, отвага, самопожертвование» можно подогнать под одну гребенку судьбы всех ветеранов. Это правильные слова, но фронтовики их не любят. Они отдали Родине все, что могли. У каждого своя судьба, как правило, очень непростая. Они вспоминают об ужасах войны предельно откровенно, без самоцензуры и умолчаний, без прикрас. Их живые голоса Вы услышите в этой книге...

Танкист сорок первого года

Я сделал первый выстрел по немцам на седьмой день войны...
Пикуленко Д. Т.

Дмитрий Тимофеевич Пикуленко, заряжающий легкого танка БТ-7, начал свой боевой путь в июне 1941 года. Если из всех бойцов, начавших воевать от границы, даже по официальной статистике, осталось к концу войны не более 2–3 процентов, то что говорить о танкистах, которым судьба отмеряла на фронте короткую жизнь! Я часто встречался с фронтовиками, но человека с такой биографией видел впервые. Пройти с боями на танке первые самые страшные месяцы войны – трудно представить.

– Так и было, – рассказывает майор в отставке Дмитрий Тимофеевич Пикуленко. – Нас, которые своими танками перекрыли немцу дорогу на Витебск, Смоленск и дальше на Москву, наверное, и в живых никого не осталось. Ну, если просишь, начну с самого начала.

Родился я 12 декабря 1921 года в деревне Емельяшевка Таборинского района Свердловской области. Семья была большая: пять братьев, две сестры. Самый старший – Егор, 1906 года рождения, я – самый младший. Маму не помню, она умерла, когда мне было месяцев шесть.

Люди на Урале у нас хорошие, душевные. Если бы не родня, односельчане, да и колхозу спасибо, отец бы нас не поднял. Семеро на руках, дом, хозяйство. Пытался он снова жениться, но никто из женщин за него не шел. Какой бабе столько хлопот надо? Приходили, помогали, а жить не хотели. Отец умер, когда мне было пятнадцать лет. К тому времени старшие братья поженились, сестры замуж вышли, а я с тринадцати лет работал в колхозе имени Ворошилова: конюхом был, хлеб убирал и возил, лес под пашню корчевал. Образование у меня было аж четыре класса. В октябре 1940 года призвали в армию. Попал я в город Калугу, тогда он входил в Тульскую область. Город не из самых крупных, но мне показался огромным. Жил-то я в глуши. Райцентр – село Таборы – находится в 360 километрах от Свердловска (ныне Екатеринбург), а до ближайшей станции было сто с лишним километров.

Попал я в 18-ю танковую дивизию, которой командовал генерал-майор Ремизов Ф.Т. Пара недель карантина, и меня направили в отдельный механизированный разведывательный батальон под командование майора Крупского. Батальон располагался на окраине Калуги и был технически хорошо оснащен. Состоял из трех рот: танковой (куда меня зачислили), броневой и мотоциклетной роты. Имелись еще вспомогательные взводы: связь, снабжение и так далее. Но главная мощь заключалась в наших трех ротах, особенно танковой. Это не пешая и даже не конная разведка! Батальон мог не только разведку проводить, но и хорошо встречный удар нанести. Десять танков, штук двенадцать бронемашин и около двух десятков мотоциклов! Бронемашины в основном БА-10, с пушечным вооружением, и более легкие БА-20 с пулеметом. Мотоциклы, не помню какой марки, но проходимые, большинство с колясками и тоже с пулеметами. Про танки отдельно скажу.

Служба была мне не в тягость. Почти до девятнадцати лет прожил я по разным углам, спал то на полатах, то на лавке, порой и на полу. Чистая, просторная казарма казалась мне чуть ли не дворцом. И еда не в пример деревенской. Мясо каждый день, хлеб пшеничный и ржаной, щи наваристые или суп, каши вволю, чай сладкий, селедка, которую я любил.

Учили нас вначале на танках БТ-5. Политработники хвалили их, сержанты плевались, но помалкивали. Авиамотор у них капризный, да и бензин авиационный – штука опасная. Однажды по какой-то причине двигатель загорелся, едва потушили. Повезло, что перед ангарами случилось, огнетушители, вода под рукой. Пушка по тем временам была сильная, 45-миллиметровая, ее хвалили, пулемет ДТ – тоже. Устройство танкового вооружения мы знали

хорошо, но боевых стрельб проводилось мало. Чаще всего стреляли из вставного ствола винтовочным патроном. За восемь месяцев, что я прослужил до войны в батальоне, раза четыре боевыми снарядами стреляли. Выдавали по три штуки и десятка два патронов на пулемет. Разве это подготовка для башенного стрелка?

Что броня у БТ-5 слабая, я мог только догадываться. Помню, когда замполит в очередной раз распелся про «мощь и броню», один из сержантов на стрельбище подвел нас к рельсу и из винтовки шагов с пяти как шарахнет. Перемычка у рельса толщиной миллиметров 13–15, как броня у БТ-5. В рельсе дырка насквозь. Сержант сплюнул и коротко проговорил:

– Вот так.

Позже стали осваивать новый танк, БТ-7. Лобовая броня толще, башня обтекаемая, и скорость полста километров в час. Говорили, что на колесах все семьдесят дает, но мы на колесах не практиковались, да и на гусеницах ездили мало. Бензина вроде не хватало. Мотор у новой «бэтэшки» был более мощный, а башню и пушку с пулеметом я наловчился за секунды в нужную сторону разворачивать. Танк мне нравился. И гордость была, что я, бывший конюх, такой грозной машиной владею.

В танковые войска обычно брали трактористов или ребят с 6–7 классами. Не знаю, как я прошел. Может, из-за бедняцкого происхождения, небольшого роста (длинные в танке не умещались), цепкости. Когда гусеницы перетягивали, я главной силой был. Бочки с горючим играючи перекидывал.

Разные уставы у меня туго шли. Много зубрить приходилось. На политзанятиях так напрягался, что потел. Когда должности товарища Сталина перечислить требовалось, я просто терялся и запутывался. То же самое в отношении Ворошилова (про которого я брякнул, что колхоз такой в Емельяшевке есть), Буденного, Калинина, Мехлиса (главного политработника армии). По совету замполита посещал клуб и читал газеты.

Прочитал «Как закалялась сталь» и еще пару книжек. Газеты поначалу казались скучными, но я к ним привык, и вот уже за восемьдесят, а читаю с удовольствием.

Уставам первое время нас обучал какой-то командир из штаба. Он был мной очень недоволен. «Эх, неуч!» – как-то обозвал он меня.

Я так обиделся, что весь красный сделался. Неучем я себя не считал и того командира возненавидел, хотя был он мужик нормальный. Этих уставов столько напечатали, что он, наверное, их сам все не помнил. А чего уж говорить про нас!

Много внимания уделялось физической подготовке. Каждое утро, в любую погоду, пробежка километра два, зарядка. Отдельно проводились занятия по гимнастике и рукопашному бою. Физподготовка у меня на «отлично» шла, строевая – тоже неплохо. Винтовку и танковый пулемет с закрытыми глазами разбираю-собирал. Пулеметный диск быстрее меня во взводе никто патронами набить не умел. В караулах стоял как положено, не спал. Пароль. Отзыв. Молодец, рядовой Пикуненко! Служу трудовому народу!

Технику, может, и не слишком знал, но любил. В батальоне, как я говорил, имелись бронемашин. Однажды мне и еще нескольким комсомольцам из танковой и мотоциклетной роты предложили позаниматься на бронемашинах, чтобы обеспечить в бою взаимозаменяемость. За это нас частично освобождали от нарядов, особенно от строевой подготовки, которую ни один нормальный боец терпеть не может. Не думал я, что знание бронемашин мне пригодится в войну. БА-20 были старыми машинами с тонкой броней и пулеметом, а вот БА-10 показалась мне штукой, достойной внимания: танковая башня с такой же пушкой и пулеметом, второй пулемет, два задних ведущих колеса, проходимость и скорость. Управление у бронемашин – автомобильное, я его освоил без труда. Помню, на показательных учениях мы, экипаж из четырех человек, на полигоне разгонялись до 50 километров (куда там до нас знаменитой «полуторке»!), гребли полуметровый снег и, проломив лед, проскакивали двадцатиметровую яму, наполненную водой. Вода почти захлестывала мотор, а мы, разбивая ледяные пластины, взби-

рались на крутой подъем и довольно удачно стреляли по мишеням. Из пушки бил командир машины, а я расстрелял из пулемета две «амбразуры» и пяток фанерных силуэтов «фашистов».

Увольнения давали в город редко. Особенно тем, кто по первому году. А тут получил я сутки увольнения. И деньги у меня имелись. Накопил красноармейское жалованье. Тогда ведь «дедов» не было, и деньги никто не отбирал. Начистились, дежурный нас осмотрел, и пошли мы человек восемь в город. Разбились на кучки. Ходим втроем, глазеем, командирам честь отдаем. По два мороженных съели. Одно, коричневое, шоколадом пахнет, мне по вкусу пришлось. Хотел еще взять, но боялся, что денег не хватит. Посмотрели кино «Иван Антонович сердится». Мне оно не понравилось, потому что к музыке был я равнодушен. Не ко всякой, конечно. Утесова любил, певицу Серову, частушки. А здесь симфонии да шутки какие-то непонятные. Вечером на танцы пошли. Танцевать я не умел. Те, двое ребят со мной, пошустрее, с девками познакомились, а я все никак не решался. Девки расфуфыренные, городские. Офицеры и парни в костюмах их за талию обнимают, смеются. Духами пахнут. Стало мне жарко и неудобно. Собрался и поплюхал в городок. А ребята потом хвалились, что «все у них путем было». Один, наверное, брехал, а второй, тот бойкий, мог своего добиться. Я себя за нерешительность ругал, а с другой стороны, о чем с этими девицами, в кудрях да блестящих платьях, разговаривать? О своем колхозе имени товарища Ворошилова? Или как я лихо на бронемашине рассекаю? О военных делах запрещалось говорить.

Ну, ладно, черт с ними, с девками, – намерстаю!

Ближе к весне роту укомплектовали новыми танками БТ-7. Командиром танка был старший сержант Духнин Александр. Хороший простой парень моего возраста, только прослуживший подольше и закончивший школу младших командиров. Механик-водитель, второе лицо в экипаже – Малышкин Коля из-под Воронежа. По возрасту старше нас года на два, работал трактористом. Мы быстро подружились. Саня Духнин, хоть и командир, держался просто. Коля Малышкин спокойный, вдумчивый, мы с Саней прислушивались к нему.

Командиром роты был лейтенант Истюфеев. Мужик ничего, только дерганый. Может, от ответственности. Его на роту поставили через полтора года после окончания училища. Броневой ротой командовал капитан Язько, толстый, лет за сорок. Он участвовал в Гражданской войне и пришел в батальон из кавалерии. Роту мотоциклистов возглавлял старший лейтенант Борис Орлов, молодой, лет двадцати трех. Его бойцы выполняли обязанности связистов и посыльных, поручения комбата. Орлов считался перспективным командиром, часто бывал в штабе дивизии. Это не могло не отразиться на его характере и внешнем виде. Подтянутый, в кожаной куртке, начищенных сапогах, он считал свою роту главной в батальоне. Держался порой высокомерно. Однажды одернул меня. Мы, танкисты, вечно замасленные ходили, хотя мылись, стирались. Выговорил мне: мол, тут не колхоз, а разведбатальон. Закончил поучения словами: «Эх, танкисты! Чего с вас возьмешь!»

После «неуча» это было второе обидное замечание за все месяцы службы. Я обиделся и подумал, что куртка и сапоги у тебя со скрипом, а вот как в бою себя поведешь, неизвестно. Экипаж меня поддержал:

– Ходит, будто вытанцовывает!

– Думает, что орел, а внутри, может, курица.

И, наконец, о лейтенанте Корнюхине Викторе Ерофеевиче. Он принял наш взвод в марте сорок первого. Корнюхин один из немногих командиров, участвовал в боевых действиях, воевал на финской войне. У него что-то там произошло, деталей я тогда не знал. Вроде разморозил танки, сорвал какое-то задание. Поэтому его не двигали, он три года ходил в лейтенантах и командовал взводом. Война всегда накладывает отпечаток. Корнюхин был замкнут, редко оживляясь, дисциплину требовал жестко, был по-крестьянски рассудительным и справедли-

вым. О жизни или на посторонние темы он до самой войны ни с кем во взводе не разговаривал. Такой человек. Любил выпить, впрочем, этим грешили многие командиры.

Что хочется вспомнить еще о довоенной жизни? Ну, пожалуй, наряды на кухню. Хотя мы не голодали, но повара для кухонного наряда всегда что-нибудь вкусное припасут. Не слишком избалованный жизнью, я любил жареную картошку, селедку обгрызал и выбивал мозг из мослов. С удовольствием выпивал кружки три сладкого чая с белыми сухарями.

– Димитрий! – удивлялся один из поваров, добродушный усатый дядька. – Сам худой, и куда в тебя столько лезет?

– Я не худой, а жилистый, дядя Иван, – отвечал я с набитым ртом.

– Ну-ну, – подсыпал мне сахару в чай дядя Иван (или Петр – имени не помню). – Расти, толстей. Лишь бы в танк влезал.

Повара ко мне хорошо относились. Когда мешки с картошкой или крупой таскали, я всех опережал. Крестьянская жизнь научила.

Помню, что немного изучали иностранные танки. В кабинете висели картинки и схемы немецких танков Т-2, Т-3, Т-4, венгерских «Туранов», японских «Ха-Го», итальянских, чешских машин. Отношение к иностранным танкам было пренебрежительное: барахло! О немецких отзывались более осторожно. Постоянно напоминали, что у них вооружение слабее, наши мощные пушки пробивают их насквозь, а у Т-3 и Т-4 скорость всего сорок километров. Про сильные стороны немецких танков: более толстую броню, хорошую оптику, радиосвязь – старались не упоминать. Все это должно было компенсироваться мужеством и удачей советских танкистов. Большинство из нас проглатывали полученную информацию, что называется, «не жуя». Конечно, у нас все самое мощное!

О войне с Германией разговоры не то чтобы пресекались, а скорее сглаживались. Но в мае такие слухи возникали все чаще. Приходили призывники из западных областей, рассказывали про скопление у границы немецких войск. Иногда, выпивши, что-то оброняли командиры. А хорошо хвативший кавалерист Язько, воевавший с немцами в Первую мировую, как-то заявил:

– Сволочной народ! Без войны, как баба без хрена, прожить не может. Всю Европу захватили, теперь к нам лезут.

Замполит пытался его урезонить, но командир бронероты никого не боялся. А особисты помалкивали. Восемь месяцев учебы и службы в Красной Армии отвела мне судьба в мирное время. Как бы я сейчас оценил подготовку моей роты (выше прыгать не берусь) к возможной войне? Пожалуй, на тройку. Что-то мы, конечно, знали и умели, но многое нужное не постигли. Считаю, что самое главное – было мало практических занятий. В роте лишь один человек, командир взвода Корнюхин, стрелял по финским танкам. Да и то предпочитал не рассказывать. Почти все башенные артиллерийские стрелки и на танках, и бронемашинах имели практику по 10–20 выстрелов.

Мало было учений. Спасибо майору Крупскому, он, выбив лимиты на бензин и масло, организовал водительскую учебу командиров танков. Под предлогом соревнований сумел пару раз провести стрельбы из пулеметов, в которых участвовала хоть какая-то часть пулеметчиков. Тактику разведки и встречного боя мы постигали в основном на своих двоих да слушали уставы, по которым предстояло воевать. А ведь немцы к сорок первому и настрелялись, и воевать научились. Мы же лучше всего из науки воевать знали знаменитую книжку Ворошилова «Сталин и Красная Армия». Сталина мы уважали, верили в него и, когда услышали весть о нападении на нас фашистской Германии, не сомневались в скорой победе.

Через двое суток после нападения фашистской Германии на Советский Союз наша дивизия несколькими эшелонами отправлялась с Белорусского вокзала на запад. Пока мы грузились, ехали, выгружались и разворачивались, немцы стремительно продвигались в глубь страны.

28 июня 1941 года наши войска оставили город Минск, столицу Белоруссии. И в этот же день недалеко от станции Орша я, девятнадцатилетний танкист с четырехклассным образованием и верой в товарища Сталина, принял свой первый бой. Что Минск уже взят немцами, мы не знали.

Кроме нашей дивизии, под Оршей разворачивались и другие части. Рыли окопы, устанавливали орудия. Из нашего батальона направили по разным дорогам несколько разведгрупп. Послали в разведку и наш второй танковый взвод, усилив его бронемашинной БА-10 и двумя мотоциклами с пулеметами. Мотоциклы катили впереди, поднимая клубы пыли.

Если глянуть на карту, то Орша находится в 250 километрах северо-восточнее Минска. Немцев мы не ждали, но двигались осторожно, больше опасаясь немецких самолетов, о которых уже были наслышаны. Наш танк шел вторым, следом за БТ-7 лейтенанта Корнюхина. Позади нас – танк сержанта Петра Макухи. Замыкала разведгруппу бронемашинная. Саня Духнин, открыв люк, смотрел по сторонам. Я ему завидовал: день был жаркий, и Саню обдувал ветерок. Я сидел в мокром от пота комбинезоне. Пушка была заряжена бронебойным снарядом, а в диске пулемета бронебойно-зажигательные патроны шли через два на третий.

Мы были готовы встретить вражеские танки или бронетранспортеры. Но, как и многие в начале той войны, мы нарвались на авиацию.

Два «мессершмитта» шли навстречу. Мы их увидели, когда они открыли огонь по мотоциклам, которые шли метрах в трехстах впереди. Духнин успел крикнуть, и Малышкин круто повернул на обочину, к лесу. Этот маневр, возможно, спас наш танк, немцы промахнулись. Бомба шарахнула метрах в двадцати за спиной, прямо на дороге. Танк, перевалив через канаву, опасно накренился. Коля вывернул машину и, ломая мелкую поросль, рванул под деревья. Мы остановились недалеко от танка Корнюхина. Я, не выдержав, тоже выглянул в люк. Третья «бэтэшка» нашего взвода, не иначе как с перепугу, неслась на полной скорости через широкую поляну, к островку тополей.

Один из истребителей всадил ему вслед очередь пушечных снарядов и пуль. Захлопывая свой люк, я отчетливо разглядел фонтанчики земли, листьев, искры, летящие от танка. Но наши товарищи уже были под защитой деревьев. Запас бомб у немцев, наверное, закончился. Второй истребитель тоже ограничился стрельбой и развернулся к дороге, где, немного постреляв, оба «мессера» унеслись прочь.

Выждав минут десять, к нам присоединился третий танк. Петр Макуха, улыбаясь во весь рот, лихо тормознул и заглушил мотор. Похвалился, что обвел фашиста вокруг пальца. Бегло осмотрели машины. Танк Корнюхина и наш увернулись от огня истребителей. На башне танка Макухи осталась вмятина от пушечного снаряда и несколько довольно глубоких шербин от пуль.

– Балбес ты! – оценил действия подчиненного лейтенант. – Если бы в бензобаки угодило, амбес и людям, и машине! Не надо было по открытому гнать.

Зная, что немецкие самолеты радиофицированы, Корнюхин дал команду менять дислокацию. Однако нас ожидала неприятная новость.

Бронемашинная, которая едва не первая влетела в гущу придорожного подлеска, попала под огонь «мессершмитта». Возле распахнутой двери лежало тело механика-водителя. 20-миллиметровый снаряд насквозь пробил броню и грудь. Механик был мертв – истек кровью. Стрелок сломал руку и получил с десятков мелких осколков.

Мы с минуту разглядывали мертвое тело нашего товарища. Немцы сразу показали, что война предстоит нешуточная. Два истребителя загнали в лес четыре бронированные машины, убили одного и тяжело ранили другого бойца. Два снаряда пробили лоб бронемашин, а десяток пуль оставили глубокие отметины. И было неизвестно, сумели или нет уйти от «мессершмиттов» мотоциклисты. Я заглянул внутрь бронемашин. Два рваных отверстия, а в кабине

все забрызгано кровью. Перевязали раненого. Осколки застряли под кожей, но перелом руки открытый, парень был весь белый от шока и потери крови.

– Машина на ходу? – спросил Корнюхин.

– Кажись, – ответил старшина, командир бронемашин. Завел мотор и продвинул свою невезучую БА-10 метров на пять. – Вроде нормально. Только руль немного тянет.

– Приводи в порядок хозяйство, мы скоро вернемся.

– Че ж, мы одни тут останемся? – растерянно смотрел на Корнюхина старшина, не пришедший в себя от налета.

– Разворачивай пушку и будь готов к бою. Башенный стрелок пусть наблюдает за дорогой.

Все три танка снова выскочили на проселок. Противника видно не было, зато на обочине лежала убитая корова, а неподалеку валялась перевернутая тележка. Впереди поднимался столб дыма. Мы поняли: что-то случилось с мотоциклистами. Прошло много лет, но мне не забыть эту пустынную дорогу, горящие, разбросанные обломки мотоцикла и тело пулеметчика без ног и одной руки.

Трое уцелевших разведчиков рассказали, что мотоцикл подожгли пулями с самолета. Вспыхнул сразу, потом взорвались ручные гранаты, хранившиеся в коляске. Останки пулеметчика выбросило на дорогу. Мимо нас прошли несколько беженцев, проскрипела телега, нагруженная выше головы домашним скарбом. От людей мы узнали, что немцев они видели утром. На мотоциклах и маленьком броневике. Беженцы спешили, поглядывая на небо.

– Немцы летают? – спросил кто-то из нас.

– Летают. Аэропланов у них полно. Мы, как увидим, в кусты прячемся.

Труп мотоциклиста отнесли на обочину за деревья. Я заметил оторванную по колено ногу, лежавшую в кювете.

– Надо бы отнести...

– Возьми и отнеси, – странно поглядел на меня взводный.

Я прыгнул вниз и, подняв ногу в обгоревшем сапоге, отнес ее к телу мотоциклиста. Покатали дальше. Мотоциклисты ехали втроем впереди. Беженцы попадались все чаще, порой запруживая дорогу, устало отходя на шаг-два в сторону. Саня Духнин, не выдержав, заорал:

– Под гусеницы хотите?

Его проводили равнодушным взглядом. Видно было, что люди сильно измучены. В одном месте громоздилось несколько разбитых военных повозок и лежали трупы красноармейцев. Почему их не похоронили? Но вместо этого я спросил у Малышкина, перекрикивая рев мотора:

– Чего на меня взводный окрысился? Ногу заставил отнести.

Механик-водитель с минуту раздумывал, потом ответил, что никто ни на кого не крысился. Просто мотоциклисты ошалелые после обстрела, не их же заставлять? А еще через минуту добавил:

– Тебе все видеть надо. Лежала нога и пусть лежит.

Я замолчал. Понятно. Надо меньше языком молоть. Люки всех танков были открыты, но я видел, с какой скоростью несутся немецкие истребители, и с тоской подумал, что мы можем в любую минуту попасть под бомбы. Потом забарахлил двигатель на танке Петра Макухи. Остановились. Лейтенант, оглядев суетившихся танкистов, мрачно предупредил:

– Если обосрались, пойдете под трибунал.

Но Макуха заверил, что дело скорее всего в зажигании и они нас через пять минут догонят. Наша разведгруппа разваливалась на глазах. Но Корнюхин был смелым командиром. Понадобилось, он бы провел разведку и на единственном мотоцикле. По дороге нам попала отступающая воинская часть. Сотни три красноармейцев, несколько повозок и трехдюймовая пушка в упряжке.

– Где вы раньше околачивались?! – на вопрос Корнюхина о немцах ответил капитан на хорошем строевом жеребце.

Потом разговорились. Это были остатки пехотного полка. Они шли мимо. Некоторые – перемотанные серыми от пыли бинтами, тяжелораненые – на повозках. Рассказали, что отступают два дня. Я знал, полк насчитывает тысячи две человек, но где остальные и почему осталась всего одна пушка, интересоваться было бы глупо. Капитан спросил, далеко ли до передовых позиций, но вопрос показался странным. Какие, к чертям, позиции? Мы сами вчера только выгрузились. Корнюхин ответил, что осталось километров шесть, и капитан, кивнув, повел свое запыленное войско дальше.

– Интересно, а где у них штаб? – размышлял вслух Саня Духнин.

А я снова вспомнил про самолеты, так как впереди начиналось обширное поле с редкими деревьями. Поле мы миновали благополучно, но на перекрестке дорог слышали треск мотоциклетных моторов. Слышали их потому, что остановились, выбирая, по какой дороге двигаться дальше. Может, эта случайность спасла, а вернее, продлила жизни большинства нашей группы. Корнюхин командовал четко и умело. Мотоцикл отогнали в низину, а оба танка он оставил в леске, метрах в ста от перекрестка. Мотоциклисты залегли с ручным пулеметом и карабинами рядом с нами.

Здесь я впервые увидел немецких солдат. Они катили на громоздких мотоциклах, похожих на наши. Только пулеметы в колясках были другие. Потом появились танки. Один легкий, с башней, расположенной сбоку, и малокалиберной автоматической пушкой. За ним – два Т-3, хорошо знакомые по плакатам. Корнюхин уже переговорил с Саней Духниным, как действовать. Мы открыли огонь, пропустив мотоциклы. До танков было метров двести с небольшим.

Лейтенант, наверное, сам сел за наводчика и первым же выстрелом подбил Т-3. Мы стреляли во второй танк и мазали. Ответный снаряд срезал дерево рядом с нами, но потом мы попали ему в морду, брызнул фонтан искр, и немец попятился назад. Легкий танк осыпал нас веером трассирующих двадцатимиллиметровых снарядов. Ударило два раза в башню. Броню не пробilo, но я свалился на боеукладку, а Духнин замер, обняв пушку. Мне трудно припомнить все детали, сколько времени мы пробыли в шоке. Наверное, недолго. Башня была заполнена дымом, я подумал, что горим. Нас вывел из оцепенения голос механика-водителя:

– Ребята, вы живы?

– Живы...

– Тогда стреляйте!

Прежде чем открыть огонь, мы с Духниным высунулись из люков. Наш взводный бил по второму Т-3, а спешенные мотоциклисты стреляли из ручного пулемета и карабинов непонятно куда. Подбитый немецкий танк стоял с распахнутыми боковыми дверцами, из которых выплескивалось пламя и черный маслянистый дым. Мы выстрелили в Т-11, который лупил из своей скорострельной пушки по лейтенанту. Попали со второго снаряда куда-то под брюхо. Танк дернулся и перенес огонь на нас.

Скорострельная пушка била со звуком, напоминающим гулкий замедленный треск пулемета «максим». По броне снова ударило несколько раз подряд, мы успели ответить выстрелом. Попали или нет, неизвестно, но танк исчез вместе с Т-3, по которому стрелял Корнюхин.

Немцы отступили, оставив горевший танк. Взводный рванул вперед. Мы – тоже. Но скрежет заставил Малышкина остановиться. По дороге мчался отставший БТ-7 сержанта Макухи. Он стрелял на ходу, а потом, дернувшись, пошел по кривой к обочине. Из верхнего люка кто-то выскочил, показалась голова второго танкиста и тут же исчезла. Из обоих верхних люков выбивалось пламя.

– Ребята горят!

Кто это выкрикнул, не помню. Мы побежали к танку Макухи. С грохотом сдетонировали снаряды. Сначала взорвалась одна часть, через пару секунд остальные. Башня, как матрешка,

кувыркнулась набок, а из отверстия с ревом ударил и тут же опал столб пламени. Танк горел, потрескивая, как поленница дров. Уцелел только башенный стрелок, из молодых. В обгоревшем комбинезоне, дергающийся от контузии или пережитого страха.

Подхватив его, мы вернулись к своему танку. Подкатил Корнюхин. Сказал, что немцы удрали. А я подумал, пора сматываться и нам. На башне БТ взводного виднелась вмятина прошедшего рикошетом снаряда. У нас торчал ключьями левый подкрылок, была выбита фара и надорвана гусеница. Малышкин сказал, что перетягивать необязательно, достаточно закрепить траки и сильно не гнать. Видимо, он тоже не хотел здесь оставаться и считал, что разведка закончена.

Возле немецкого Т-3 обнаружили трупы двух немецких танкистов. Один с непокрытой головой, светло-рыжий, другой – в круглом металлическом шлеме с торчащими проводами. В качестве трофеев нам достался пистолет, документы, сигареты и две зажигалки. Стрелок-радист, единственный уцелевший из экипажа Макухи, рассказал, что болванка попала прямо в водителя, ранила командира. Поэтому он не смог выбраться. Перед этим на них вылетели два немецких мотоцикла. Головной мотоцикл Макуха разбил прямым попаданием снаряда, второй пытался удрать. Петро продырявил из пулемета шины и зажег его, но оба немца убежали, хоть и подраненные.

Мы повернули назад, оставив догорающие танки, наш и немецкий. Тела Макухи и водителя извлечь было невозможно. Через полкилометра действительно наткнулись на два немецких мотоцикла. Издырявленный пулеметными очередями, один догорал. Другой – получил бронебойную болванку. Она наискось прошла пулеметчика и разбила заднее колесо. Водитель, смятый перевернувшимся мотоциклом, который протащил по инерции тело метров семь, умирал. Из рта и носа пузырьками шла кровь, немец был без сознания. Нам достался трофейный пулемет, прикладистый, с металлической лентой, автомат, запас патронов, гранат и еда. Две бутылки нашей водки в багажнике мотоцикла были разбиты. Зато нашли пару фляжек с чем-то спиртным. Корнюхин хлебнул, поморщился, отпил еще и завинтил фляжку. Сказал, что надо спешить. Перекусим в лесу. Посмотрел на тяжело раненного мотоциклиста. Мы – тоже. У нас еще не выросла ненависть к фашистам, которая позже заставит убивать их без всякого колебания. В бою пленных не бывает! Тягостное настроение от гибели четырех наших товарищей еще не стало злостью. Наверное, Корнюхин понял это, и мы не тронули немца. Пусть лежит, а там как Бог рассудит.

Мы двинулись дальше. Не слишком велика была милость, мотоциклист и так доходил. Но я почувствовал, что мы сильны, если можем быть великодушными. Несмотря на потери, дали немцу жару. Танк и два мотоцикла уделали. И мы с Саней Духниным крепко подковали Т-2, с его пушкой-автоматом. Жаль, что не добились. Но дырку хорошую сделали.

Настроение нам подпортил Малышкин, сказав, что стреляем мы хреново. Духнин и я промолчали. Потом нас обстреляла из пулеметов тройка «Юнкерсов-87». Обошлось без потерь, потому что самолеты шли навстречу и уже отбомбились. Зато вскоре мы увидели остатки знакомой нам колонны во главе с командиром на рослом жеребце, и настроение у нас снова упало.

Люди собирали тела погибших и относили на обочину. Убитых было много, человек сто с лишним. Вдребезги разбило единственную пушку. Стонали раненные. Оказалось, что их бомбили и обстреливали из пулеметов те три «юнкера». А где наши самолеты?

– В заднице! – сплюнул капитан. – За все дни ни одного не видели. Вы там палили, подбили кого?

– Танк и два мотоцикла, – ответил Корнюхин. – И свой один потеряли.

В лесу мы остановились возле нашей бронемшины. Выпили из фляжек граммов по пятьдесят то ли шнапса, то ли рома, съели консервы, из которых мне запомнились маленькие рыбки-сардины, пропитанные маслом. Вкусные, во рту тают. Досталось всем понемногу, только

губы облизать. Когда вернулись в батальон, Корнюхин доложил обстановку Крупскому. Майор похвалил взводного за решительность. Потом мы узнали, что лейтенант с досадой ответил, повторяя слова Малышкина:

– Плохо стреляем!

Его поддел замполит, сказав, что надо было лучше учиться.

– На чем? На пальцах? – огрызнулся наш взводный.

Вмешался brave Орлов и поддержал замполита.

– А ты пошел на х..! – злой после боя и увиденных смертей, послал Бориса Николаевича обычно сдержанный Корнюхин.

Крупский приказал прекратить ругань. Мы с ремонтниками провозились остаток дня, меняя трак, латая крыло. Вытащили засевший в маске, рядом с пушкой, немецкий 20-миллиметровый снаряд, со сплюсненной оболочкой и торчащим бронебойным жалом, сине-фиолетовый от удара. Броня по краям оплавилась, но выдержала. Башню танка Корнюхина «поцеловала» болванка-пятидесятка. Повезло, что шла вскользь. Если бы нам попала в лоб, то накрыло бы и лейтенанта, и башенного стрелка. С горячей едой что-то не получалось, нас накормили хлебом и селедкой. Напились холодной воды и легли спать. Так прошел мой первый день на войне.

Я описал первый день на войне подробно, потому что запомнил его на всю жизнь. А вот последующие дни сливались в какую-то сплошную путаницу, слепленную из постоянных налетов немецкой авиации, разведывательных маршей по разным дорогам, толп беженцев и отступающих войск. Расскажу то, что наиболее врезалось в память.

На следующий день нас сильно бомбили. В основном «Юнкерсы-87», с торчавшими, как лапы, шасси. Метко кидали бомбы, сволочи! Пикировали с включенными сиренами, а потом с ревом медленно выходили из пике. Из нашего батальона связного мотоциклиста накрыли. Ничего не осталось, одна воронка. А 35-й танковый полк, который по соседству размещался, понес серьезные потери. У них, кроме БТ и старых Т-26, было несколько «тридцатьчетверок». Мощных, редких тогда танков. Бомбы разносили легкие танки на куски. Видел штук пять вдребезги разбитых – где башня, где корпус, где обрывки гусениц валяются. Про людей и говорить не хочется. Как уж их там опознавали, не знаю. Некоторым повезло. Воронки рядом, вмятины, дырки от осколков, а экипажам ничего. Уцелели. Отлежались в окопах под танками.

Одну «бэтэшку» набок опрокинуло, у другого БТ-5 осколком передок вспорол, словно консервную банку, клепки торчат, и броня, как лист бумаги, скручена. «Тридцатьчетверки» по сравнению с нами громадины. Одну разбило прямым попаданием, еще одну крепко встряхнуло, баки сорвало, колеса выломало. А у меня этот самолетный вой еще долго звенел в ушах. Натерпелись страху всем экипажем, пока в окопе под танком лежали. Неизвестно, куда исчезла наша авиация, не было зениток. Оглушил нас немец первой бомбежкой. Нелегко этот страх преодолеть. Видел я потом, как многие шарахались очертя голову при звуке приближающихся самолетов. Не ожидали мы такой войны.

Нашу дивизию вскоре перебросили под белорусский город Сенно, в 50 километрах юго-западнее Витебска. Вот когда мы сцепились с немцем по-настоящему.

Там скопилось много войск. Шли на восток пробившие окружение остатки частей. Одновременно наступали полки и дивизии 20-й армии, нанося контрудары. Где-то в этой круговерти, западнее Сенно, действовала и наша танковая дивизия.

В пасмурный июльский день, когда жара сменилась мелким моросящим дождем, командование собрало кулак для нанесения одного из контрударов. Участвовал танковый батальон, несколько танков и бронемашин разведбата. Все под командованием майора Крупского, которого высоко ценил командир дивизии и поручал ему ответственные задания.

Пока Крупский готовил и собирал технику, людей, капитан – командир танкового батальона (фамилию я не запомнил) – вызвался провести разведку. Он был на «тридцатьчетверке» и тащил с собой еще штук десять танков. Нас с лейтенантом Корнюхиным и одну бронемашину пустил вперед. Мы приблизились к небольшой деревеньке и стали наблюдать. Кто там, наши или немцы, мы не знали. Оказалось, немцы. Подпустив поближе, ударили из трех противотанковых пушек. Наверное, из 37-миллиметровок. Маленькие, с тонкими стволами, они наши «бэтэшки» и за пятьсот, и за семьсот метров брали. А что говорить про бронемашину БА-10 с ее слабенькой броней!

Мы отступали задним ходом, уже немного наученные Корнюхиным. Старались не подставить борт, искали место, где развернуться. Знали, если подставишь борт, тут тебе конец. Ребята с бронемашины поторопились. Крутнулись, надеясь развернуться и рвануть на полный газ. Бронебойный снаряд оторвал заднее колесо. Они разворот закончили, а что толку? Машина ползет, вихляясь, ось торчит. А тут еще один снаряд. Уже фугасный. Немцы, почуяв, что попали, обозначили взрывом цель. Били, торопясь, но всадили еще один снаряд в корму, а потом и в моторное отделение. Пыхнула бронемашина, ребята начали выскакивать. Трое спаслись, а один, наповал убитый, в горящей башне остался.

Ребят мы на броню посадили и рванули к танковой роте, во главе которой капитан был. Он за нами не слишком рвался, хотя напросился на разведку. Фрукт еще тот! Нас на приманку пустил, да еще приказал из пушек на огонь отвечать, чтобы больше огневых точек выявить. Бессмыслица! Нас бы по вспышкам за минуту подожгли. Но Корнюхин не простачок, поопытнее комбата, хоть тот и капитан. Огонь не открывал, чем взвод и спас. Подъезжаем. Экипаж из сгоревшей бронемашины на танке сидит, все контуженные, закопченные, в себя приходят. Корнюхин докладывает обстановку, что БА-10 сгорела от попаданий немецких снарядов и в лоб через поле двигаться нельзя. Пушки.

– Сколько их там? – спрашивает капитан и на нас с ехидцей посматривает.

– На всех хватит. Стреляли из трех, но немцы по три пушки не ставят. Штук восемь наверняка есть.

– Ближе бы подкрался, точнее бы знал.

Комбат из люка «тридцатьчетверки» сверху вниз на нас глядел. Остальные у него «бэтэшки» и Т-26. Мотоциклы еще стояли. Не наши, не разведбатовские, а ихние, из полка. Думаю: «Вот их бы и послал. А у нас бронемашину за минуту сожгли и стрелка угробили».

– Подкрадывался и ближе, – отвечает Корнюхин. – Уже одного танка из взвода лишился, а сегодня бронемашина вон там догорает. Вы, товарищ капитан, посылали меня выяснить, кто в деревне. Я выяснил. Немцы и артиллерия.

– Говорливый ты, лейтенант.

– Виноват, товарищ капитан.

Корнюхин замолчал. Ни говорливым, ни болтуном он не был. А мы, ругаясь втихомолку, пожелали комбату на «тридцатьчетверке» самому к деревне прокатиться. У нее броня толстая, только гусеницы гремят за километр. Капитан, как мы поняли, не знал, что делать. Стали совещаться. Он, замполит, командиры взводов, еще какие-то приближенные. Кучкой что-то обсуждали. Корнюхина не приглашали, вроде он чужой. Не знаю, до чего бы договорились, но подъехал Крупский.

– Чего столпились? «Юнкерсов» ждете? – И спрашивает у Корнюхина: – Ну, что, Виктор Ерофеевич, как там обстановка?

Корнюхин доклад повторил и добавил, что дорогу немцы держат и, судя по дымам, в деревне расположен немецкий полк. Наверное, танковый или моторизированный.

– Откуда ты знаешь? – вмешался капитан.

– Немцы пешком не ходят. И танки вперед пускают, – огрызнулся Корнюхин. – Эту истину по их тактике пора бы понять. А сейчас на острие у них везде танки.

Я заметил, что после первого боя наш взводный жестче стал, свою давнишнюю вину или промах на финской в сторону отбросил. Суждения высказывал четкие и разумные, не глядя на чины. Крупский его поддержал. Сообщил, что еще один взвод в разведку направлял. Мотоциклисты с холма насчитали с десятков танков и бронетранспортеров.

– Танков там наверняка больше, – подвел итог майор. – Если артиллерию выставили, то немцев не меньше полка.

Было решено ударить по немцам двумя группами с флангов. Одну группу вел Крупский, а наш взвод остался с капитаном. Дождь продолжался. Из-под гусениц летели ошметки. Мы по-прежнему двигались впереди. Чуть отставая, шли «тридцатьчетверка» капитана и штук двенадцать легких танков. Я высунулся из люка и оглянулся. За танками шли несколько бронемашин и трусила пехотная рота. Саня Духнин, стоявший по грудь в соседнем люке, приказал мне находиться рядом с пушкой и не высовываться. Потом попросил хлеба. Я начал было ломать краюху, оставшуюся после завтрака, но тут показались немецкие танки. Их было штук десять. Хлеб пришлось отложить. Вскоре я разглядел в прицел, что это Т-3, а следом идут четыре приземистые, похожие на пауков самоходные установки «Артштурм», с короткоствольными пушками калибра 75 миллиметров, и вдалеке бронетранспортеры с пехотой.

«Мама», – прошептал я, хотя матери своей не помнил. Молиться меня в армии отучили, поэтому я невольно обращался к давно умершей матери. Немецкие Т-3 были раза в полтора массивнее наших БТ, с более толстой броней, вооружение примерно равное. Часть танков имели 37-миллиметровые пушки, о которых весьма презрительно отзывались политработники. Но я-то хорошо знал, что нашу лобовую броню они берут. Оставалось надеяться на маневренность и опережение.

Саня Духнин отодвинул меня в сторону. Люки оставались открытыми, несмотря на мелкий дождь, а я был мокрым от пота, хотя уже побывал в бою. Но тогда все кончилось быстро, а сейчас немцы, судя по всему, намеревались опрокинуть нас и, смятая пехоту, продолжать свой «блицкриг» – слово, не совсем мне понятное.

– Все будет нормально! – крикнул снизу Коля Малышкин, а мне захотелось воды.

Но было уже не до фляжки, потому что танки резко увеличили скорость, а через минуту звонко хлопнула пушка Т-34. Вразнобой открыли огонь остальные танки. С коротких остановок, равняясь на Корнюхина, выпустили и мы штук шесть снарядов. Споткнулся один из головных Т-3. Судя по тому, как он сразу вспыхнул, в него ударил 76-миллиметровый снаряд Т-34.

– Горит, сволочь! – заорал я.

Чтобы лучше рассмотреть, высунул голову из люка, невольно оглянулся назад. Позади горели два БТ-7. Один – сплошным костром, второй крутился, пытаясь погасить языки пламени над трансмиссией. Меня дернул за штанину Саня Духнин:

– Снаряд! Бронебойный!

Я потянулся за снарядом. В тот же момент сквозь гул ревающего на полных оборотах двигателя скорее почувствовал, чем услышал что-то быстрое и смертельно опасное, пронесшееся над башней. Командирский люк с треском захлопнулся. Снаряд уже был в казеннике. Теперь на секунды замешкался Духнин.

– Санька, стреляй! Убьют! – Я кричал, глуша страх, от которого покрылось испариной лицо и защипало в глазах.

Смахнул пот со лба и выдернул из гнезда очередной снаряд. Малышкин вел наш танк быстрыми зигзагами, точно повторяя движения БТ Корнюхина. Пушка хлопала раз за разом, я подавал снаряды. Через смотровую щель увидел впереди пламя. Сунул очередной снаряд Духнину и снова высунулся в люк. Горел еще один немецкий танк. А потом увидел диковинное и страшное. На борту возле башни одного из БТ-7 вдруг вырос огненный куст. В колхозной кузнице наблюдал подобное, когда коваль сильно ударял раскаленной железкой, сбивая окалину. Только здесь было во много раз сильнее. Тысячи мелких горящих кусочков, описывая дымные

хвосты, разлетались прочь. А танк взорвался. Словно бомба. Кувыркнувшись, взлетела вверх пушка, какие-то куски. Из распахнутого корпуса столбом поднималось пламя. Наверное, экипаж даже не успел почувствовать смерть.

Как я поняч, немцы ударили новым сильным снарядом, а может, в танк попала 75-миллиметровая чушка из «артштурма». Много ли надо для «бэтэшки», с ее лобовой броней чуть толще двух сантиметров! А метрах в ста перед нами уже раскачивался тонкий ствол Т-3 и быстро вращались почему-то блестящие, даже в грязь, гусеницы. Мы выстрелили одновременно. Удар бросил нас обоих головами вперед. Я пришел в себя первым. Саня Духнин тряс руками:

– Отбило... отбило...

Видимо, он сильно зашиб при ударе руки. Я сел за пушку. Но Т-3 уже горел. Я всадил в горящего еще один снаряд. Наш танк взлетел на гребень холма, и Коля Малышкин подал машину назад. Из седловины, прячась за островками кустарника, по нас вели огонь танки, самоходки и бронетранспортеры. Они подбили еще один танк. Экипаж, выскочив, бежал вверх по склону. Всех троих догнали трассирующие пулеметные очереди.

Не желавшие умирать в грязи в бессмысленной жестокой драке с русскими, немцы отступили под защиту своих пушек и минометов. Капитан на Т-34 пытался организовать преследование. Мы потеряли еще один танк, а его «тридцатьчетверка» получила несколько попаданий. Капитан дал команду на отход.

На поле боя остались догорать четыре немецких танка и самоходка «Артштурм». Наши потери были больше. Семь БТ сгорели, один стоял с выбитыми колесами. Его по приказу комбата подожгли. Еще один, с разбитой трансмиссией, весь закопченный, волокли на буксире. Раненых и убитых складывали на броню за башнями. Кому-то показалось, что один из немецких танков дымит слишком слабо. В него всадили пару снарядов и снова подожгли. Из воронки неподалеку поднялся немецкий танкист с поднятыми руками. Нужен был пленный, чтобы рассказать, какие силы противостоят нам, но в немца ударили сразу из двух пулеметов. Он мешком свалился на дно воронки. Я понял, что в танковой мясорубке пленных не бывает. Подумал об этом равнодушно, потому что сам побывал на волосок от смерти. Проезжая мимо одного из наших разбитых танков, я ощутимо почувствовал запах горелого мяса. А на броне других танков лежали обожженные, искромсанные осколками люди, живые, мертвые, умирающие. Некоторые были так обожжены, что комбинезоны вплавили сь в тело. И без врача было ясно, что они обречены.

К вечеру дождь перестал, выглянуло солнце. Раненых увезли, рыли могилу для погибших. У Сани Духонина опухли и стали багровыми кисти рук. Они сильно болели, Саня иногда не мог сдержать стон. Больше всего он боялся, что руки отсохнут.

– У нас перед войной одному парню по локтю тракторной рукояткой попало, когда двигатель заводили...

– Ну, и что? – насмешливо спросил Корнюхин, ощупывая вздувшиеся пальцы сержанта. – Отвалился локоть?

– Не-е-т. В районе месяца два лечился. Потом рука усохла, вожжи кое-как держать мог.

– Через день пройдет, – перебил его Корнюхин и достал из своего запаса пачку «Беломора».

Мы закурили, даже некурящий Коля Малышкин, а Виктор Ерофеевич Корнюхин, отрывисто перескакивая с одного на другое, заговорил:

– Фашистов можно бить. Натиском, скоростью. Наши снаряды их броню прошибают. Кто больше всех погибал, видели? – Мы поняли, что речь идет о наших танкистах, но не знали, что ответить. – Погибали те, кто крался, скорость сбавлял, маневр не делал. Экипаж Духнина – молодцы! В немца точно влепили.

– Мы его только добивали, – возразил я. – Кто-то чуть раньше морду ему своротил.

– И правильно, что добили. Я ему не совсем точно врезал. Немец мог выстрелить, а вы прикончили.

– Это Митя стрелял. – Я только руками тряс. – А вы, Виктор Ерофеевич, сколько танков подбили?

– Один – точно. А второй, считай, вы прикончили. Только не надо хвалиться. Пусть капитан из полка всех их себе забирает.

– А почему его подбили? – спросил Саня. – Такой мощный танк. Маневр не делал?

– Ладно, сидите здесь, – не отвечая, поднялся Корнюхин. – Пойду схожу к капитану, может, спиртом разживусь. Тебе, Саша, надо руки натереть да встряхнуться маленько. А вы машины приведите в порядок.

Пока Корнюхин ходил, мы осмотрели танки. Нам опять повезло. Танк, который мы подожгли вместе с лейтенантом, был вооружен 37-миллиметровой. Бронебойный снаряд ударил в маску пушки, слева, недалеко от вмятины, полученной в первом бою. Прошел рикошетом, оставив оплавленную борозду. Я покрутил ручным приводом башню, потом подвигал пушку. Башня вращалась нормально, а пушка ходила по вертикали с заметным усилием. Видимо, крепко ударило по шестеренкам. Пушку покрутил и Коля Малышкин. Сказал: «Сойдет».

Выгребли грязь, выкинули стреляные гильзы, сосчитали снаряды. Бронебойных осталось штук семь, зато осколочно-фугасные сохранились почти все. Хотелось есть. Привезли кухню. Нам наполнили котелки густой пшенной кашей со свининой, дали две буханки хлеба, сахара и махорки. Старшина не скупился, хоть мы и были «чужие». Харчей привезли на всех, а сколько народу полегло.

Корнюхин разжился фляжкой разбавленного мутноватого спирта. Мы выпили, и стало совсем хорошо. Ночевали здесь же. Спать завалились пораньше. Танкистов никто не трогал, охрану несли тыловики.

На следующий день вернулись в свой разведбат. Лезли обниматься, как будто сто лет не виделись. Нашим ребятам, которые наступали на деревеньку с другого фланга, повезло меньше. Немцы сожгли две бронемашины, из восьми человек спаслись трое. Капитан Язько обжег задницу и ноги, но остался в строю. Сгорело сколько-то «бэтэшек» из танкового полка. Немцы тоже понесли потери. Настроение в батальоне было так себе.

Замполит собрал коммунистов и комсомольцев. Хвалил всех за храбрость. Но, когда понес ахинею про слабость немецких танков, которые «застыли, как горелый частокол вокруг деревни», подошел Крупский и, усмехнувшись краешком рта, взял инициативу в свои руки. Избегая излишне говорить о потерях, разобрал бой. Толково указал на недостатки, заставил выступить Корнюхина. Наш взводный повторил, что говорил нам про маневр, скорость и что пушки на БТ и бронемашинах не уступают немецким. Говорить о нашей слабой броне означало навлечь на себя лишние неприятности, и взводный коротко закончил:

– Наступать только на скорости, меняя углы атаки. Кто медлил, тех вчера первыми жгли.

Замполит почувствовал настроение комбата, снова похвалил Корнюхина, напомнив, что с начала боев наш второй взвод уничтожил три танка противника и два мотоцикла.

Дороги отступления. Шли колонны и просто толпы военных, которых крепко ударили, уничтожили технику, многих побили, а оставшиеся не могли прийти в себя. Люди погибали, часто не успевая выстрелить во врага. Я как те дни вспомню, в сердце что-то переворачивается. Жестокое было лето. Наши дивизии и разведбат несли огромные потери. Ребята заживо сгорали в машинах, умирали от тяжелых ран, но мы начали войну не с бегства (хотите, называйте это отступлением), а с боя. Мы вступали в драку, и немцы за наши подбитые «бэтэшки» и безнадежно устаревшие бронемашины оставляли сгоревшие танки и свои драгоценные жизни. Горящие гансы, вываливаясь из люков, вопили от боли и катались по земле. Когда мы выходили

с немцами один на один, мы часто побеждали. Немцы воевали умело и теснили нас превосходством техники, особенно авиации, но весь путь от границы был отмечен трупами фашистов. После боя у безымянной деревушки, недалеко от города Сенно, наверняка осталось аккуратное немецкое кладбище. Может, пятьдесят, а может, сто березовых крестов, с касками на каждом.

Они простоят здесь три года. При отступлении, в сорок четвертом, немцы будут ровнять бульдозерами свои захоронения с землей, чтобы русские не осквернили арийские могилы. Но часто не хватало бульдозеров и времени. И уже другое поколение танкистов сносили с ходу эти кресты, вдавливая в землю каски. На хрен нам нужна память о фрицах и гансах. Мы их к себе не звали.

Дни, часы и моменты того далекого июля.

Погиб командир мотороты braveй Борис Орлов. Он нередко бывал высокомерен и видел себя командиром батальона, а может, полка. Орлов выпил водки и надменно наблюдал, как разбегаются с дороги бойцы и командиры отступающей пехотной части. Он глядел на них, затянутый в тугую португую, с биноклем на груди, в начищенных яловых сапогах, с кобурой на поясе. Потом приказал бойцу поднять специальную раму на коляске мотоцикла для стрельбы по воздушным целям. Еще приказал подавать ему диски.

Старший лейтенант Орлов успел выпустить почти весь диск, сорок с чем-то патронов. Первый истребитель, получив несколько пуль, не причинивших ему вреда, пронесся мимо. Второй, отвернув от дороги, убил лейтенанта и бойца очередью пуль и 20-миллиметровых снарядов. Я сам не видел этого, мы стояли в лесу. Корнюхин послал меня встретить ремонтников, и я пришел на место гибели Орлова минут через двадцать.

Мне рассказали, как все было. Орлов и боец его роты лежали со скрещенными на груди руками. Кровь на жаре свертывается быстро. Голенище сапога командира роты было разорвано пулей. Строчка шла дальше, от ноги через живот, к голове. Самолетные снаряды его пощадил. Один насквозь прошил бойца, еще два искорежили коляску, которую бойцы отвинчивали от мотоцикла. Трое копали могилу. Все происходило быстро и молча.

Обычная смерть на войне. Старший лейтенант стрелял по «мессершмитту» и даже мог его сбить. Только надо было укрыться, а не стрелять с открытого места. Мне жалко было бойца. Своим крестьянским, не слишком образованным умом я понимал, что старлей решил поиграть со смертью. Мог бы играть один, не прихватывая с собой подчиненного.

Контрудар наших войск, направленный в сторону Лепеля, не принес желаемых результатов. Упорные бои шли под Сенно, немцы продвигались вперед. В один из дней группу, возглавляемую командиром роты Истюфеевым, направили помочь эвакуировать воинские склады. Три танка, два мотоцикла, пять полуторок. Приказом командира дивизии нам было разрешено при необходимости реквизировать отступающие грузовые машины и гужевого транспорт.

Дорога была забита скотом. Гнали коров, овец, свиней. Стадо огромное, не видно конца. Запрудили дорогу. Охрипшие пастухи: мужики, женщины, дети с кнутами, хворостинками в руках. Несколько повозок, запряженных быками. На повозках навалом громоздился домашний скарб, свернутые в тюки одеяла, посуда. Женщина с перевязанной ногой и мальчик у нее под мышкой спали, не обращая внимания на жару и мух.

Мы остановились спросить, далеко ли немцы? Нам ответили, что где-то рядом, но за спиной еще дерутся наши части. Пастухи попросили курева. Мы поделились махоркой, командиры дали папирос.

– Берите борова. Вон того, – предложили нам.

Обросший щетиной бригадир, в нарядной, когда-то белой рубашке, помог забросить в кузов пестрого боровка, пудов на шесть. На поясе бригадира висела кирзовая кобура с наганом.

– Может, патронов дать? – сказал Истюфеев.

– Давайте.

Коля Малышкин сунул от щедрот пачку патронов, двадцать штук. Зачем бригадиру револьвер? Обороняться от мародеров? Пронесли три «Юнкерса-87». У них уже есть название – лаптежник. Выпущенные шасси можно сравнить с торчавшими ногами в лаптях или скорее лапами коршуна. По скотине они не стреляли, наверное, считали своей добычей, нас не заметили в пыли, которая висела тучей, несмотря на недавние дожди.

Воинские склады, расположенные в лесу, в стороне от дороги, охранялись по-прежнему строго. На КПП дежурил сержант с двумя бойцами. Тщательно проверили наши документы, позвонили начальству и разрешили проехать. Поднимая шлагбаум, один из бойцов сказал:

– Что-то вы машин с собой мало взяли.

Немцы уже здесь отметились. Виднелось несколько воронок, забор из колючей проволоки был порван взрывами и снова наскоро переплетен проволокой. На просевших скатах стояла сгоревшая полуторка, рядом ЗИС-5 с выбитыми стеклами.

Начальник складов, хорошо пахивающий водкой капитан, нам обрадовался. Сообщил, что связь не работает, электричества нет и у него всего полтора десятка бойцов. Бумажку с подписью начальства, не глядя, отложил в сторону и прежде всего накормил нас. Я ни разу не видел такого стола. Килограммовые банки говяжьей и свиной тушенки, подтаявший брус соленого масла, круги твердой, хорошо прокопченной колбасы, рыбные консервы, пачки сахара и огромный чайник теплого сладкого чая. Истюфеев разрешил выпить по сто граммов водки. Старшина черпал ее из бидона и щедро наливал нам в кружки граммов по сто пятьдесят.

– Как погрузитесь, налью еще, – пообещал он.

Потом грузили в полуторки снаряды к танкам, патроны, гранаты, продукты, связки кирзовых сапог, бочки со спиртом. Набили в свои танки под завязку новеньких снарядов. Складские бойцы помогали нам очищать их от густой заводской смазки. Загрузили, сколько смогли, продуктов и по ящику махорки. Когда набили всего под завязку, нам принесли штук сто заряженных дисков для танковых пулеметов.

– Ребята, берите, – упрасивал капитан. – Сами набивали патронами!

Взяли штук по двадцать дисков. Запасные снаряды в ящиках привязывали сверху к трансмиссии. Капитан приказал принести нам новое белье, гимнастерки, сапоги. Мы переоделись во все чистое и кое-как запихали запасное белье и рулон портяночного полотна.

Дареный пестрый боровок бродил между нами и ел куски хлеба, сахар, который мы ему бросали. Один из бойцов сказал, почесывая его за ухом, что отведет боровка к знакомой. У нее свинья в хозяйстве имеется, будет развод. Мы не возражали. А я подумал: о каком хозяйстве может идти речь, если не сегодня-завтра здесь будут фашисты? Никому бы не поверил, кто сказал бы, что война еще год или два продлится.

Заслон, поставленный на дороге, пригнал до вечера еще штук двенадцать полуторок, грузовиков ЗИС-5 и десятка четыре разнокалиберных телег и повозок. Вытряхивали из них людей, барахло, заставляли грузиться винтовками, боеприпасами. Сверху разрешали брать еду, сколько поместится. Сажали сопровождающими наших бойцов, разгружаться велели в штабе дивизии. С таким запасом можно было воевать. Кроме того, мы загрузили четыре прицепа, которые нам отдал капитан, и бесхозный ЗИС-5, со сломанным мотором. Все это мы взяли на буксир и поздно вечером тронулись в обратный путь.

Перед отъездом капитан, шатающийся от водки и бессонницы, заявил, что завтра сожжет все оставшееся хозяйство. Мы не сумели эвакуировать и десятой части того, что находилось на складах.

Откуда у немцев столько самолетов? Они налетали парами, тройками, девятками. Бомбардировщики «Ю-88», со стеклянными мордами, плыли высоко в небе косяками без сопровождения истребителей. Ходили слухи, что наши самолеты были уничтожены в первый день прямо на аэродромах. Мы в это не верили. Ходили и другие слухи, что нашу авиацию пере-

бросили на защиту Смоленска и Москвы. В это можно было поверить, если не слишком задумываться.

Однажды срочно направили в поддержку пехоты двенадцать танков и несколько бронемашин. Вскоре вернулся один из мотоциклов разведки, привез трех тяжелораненых. Сержант пил, никак не мог напиться воды и рассказывал. Колонну разбомбили. Немцы бросали тяжелые бомбы, которые разносили танки и бронемашину на куски. Бросали маленькие бомбы. Они вонзались в броню, и машины сразу вспыхивали. До пехоты добрались всего три танка и одна бронемашина. Человек двадцать раненых и обожженных возвращаются лесом.

– Спичечные коробки. Пых и готово! – повторял сержант, заиклившийся на сгоревших, как спички, машинах.

– Ладно, закрой поддувало, – мрачно сказал Крупский, – а то доболтаешься. Дайте ему, что ли, водки и поест. Пусть спит.

Наш танк едва не стал добычей «Юнкерса-87», когда экипаж послали к мосту через речушку – проверить, готовы ли саперы к его взрыву. Получилось так, что мы, спрямляя расстояние, миновали две дороги, идущие с запада на восток. Одна избитая грунтовка шла лесом. Толпы беженцев и остатки воинских частей двигались по ней потоком. Люди без конца задирали головы, высматривая немецкие самолеты. Здесь было удобно прятаться, лес тесно подступал к дороге. Шли сотни и тысячи военных. Большинство с винтовками, некоторые с ручными пулеметами. Ни пушек, ни даже станковых «максимов» мы не видели. Наверное, побросали, чтобы не тащить лишнюю тяжесть.

Двигаться по этой дороге нам было не с руки. Приходилось постоянно прижиматься к деревьям, проламывать кустарник, чтобы не подавить людей. Вначале мы орал на бойцов, шагавших прямо на танк, потом, охрипнув, перестали. Люди шли, как во сне, усталые, ничего не соображающие. Некоторые спали небольшими группами прямо у дороги. Это была не армия, а отступающая толпа.

На первом же свертке мы повернули влево и вскоре вышли на другую дорогу, хорошо укатанную грунтовку. Беженцев и отступающих было гораздо меньше. Слишком открытое и опасное место. Здесь мешали проезду воронки от бомб и сильно несло мертвечиной. На обочинах лежали трупы людей и раздувшиеся, как бочки, убитые лошади. Мы обогнали пехотную роту, а потом нас остановили у глубокой канавы, которую выкопали поперек дороги. Долго проверяли наши документы и допытывались, почему мы катим на запад. Старший лейтенант, с расстегнутой кобурой, вертел красноармейские книжки, а двое бойцов с винтовками и прижмнутыми штыками враждебно наблюдали за происходящим.

В конце концов поверили, что мы не удираем к немцам, и попросили закурить. Саня Духнин протянул старшему лейтенанту сразу три пачки махорки. Покурили, немного поговорили. Оказалось, что здесь занял оборону пехотный батальон. Виднелись замаскированные пушки. Командир предупредил, что впереди наших частей нет, могут встретиться переодетые немецкие диверсанты, а самая главная опасность – самолеты.

– Езжайте быстрее, а то демаскируете нас тут, – напутствовал экипаж старший лейтенант.

Мы осторожно проехали по трехметровой перемычке, оставленной с краю дороги, и на скорости рванули вперед. Вместе с Саней, высунув головы, глядели по сторонам. Дорога была пустой, и от этого становилось не по себе. В то лето немцы хозяйничали в небе, как у себя дома. Шестерка «Юнкерсов-87» прошла на высоте. От нее отделился один самолет и спикировал на нас. Как назло, по сторонам росла мелкая ольха да торчали кусты. Спрятаться было негде. Малышкин гнал со скоростью пятьдесят, описывая зигзаги по всей ширине дороги. Я, как замороженный, смотрел на «юнкерс» через открытый люк. Малышкин резко затормозил. Две бомбы рванули впереди с такой силой, что танк покачнуло. «Юнкерс» выходил из пике, а в нас, не жалея патронов, лупил из пулемета стрелок из задней части кабины.

– Люки! – вопил Малышкин, перекрывая вой самолета и рев двигателей, но мы пережили эту длинную очередь с открытыми люками.

Пули молотили по башне, лобовой броне с такой силой, что я был уверен, сейчас нас прошьют насквозь. Но немец, утробно воя, набирал высоту, а мы были еще живы. Если не считать, что я разбил лицо, приложившись о броню, а Саня, кряхтя, дул на свои отбитые в последнем бою руки. Малышкин, перевалив через канаву, вломился в кусты. Мы неслись по мелкоколесью. Здесь нас догнал следующий заход «юнкерса», и снова две бомбы обрушились сверху, подняв фонтаны влажной земли, ломаного кустарника, вырванных с корнем молодых деревьев. Одна из бомб взорвалась совсем рядом, танк уже не качнуло, а швырнуло, как щепку. Мы с Саней держались за рукоятки и скобы, но нас с легкостью оторвало и вlepило друг в друга.

Ревел, выходя из пике «юнкерс», и пули снова лупили по броне, как отбойным молотком. Это было даже страшней, чем бомбы. Невольно промелькнуло в памяти, как сержант прострелил из трехлинейки рельс. У Сани не выдержали нервы. Вскрикивая от боли в руках, он выстрелил вслед немцу из пушки и застрочил из пулемета. Фашист бы нас добил с третьего захода. Не зря же говорят: «Бог троицу любит». Нас спасло то, что мы, сломав несколько деревьев, вломился в ельник, а на дороге появилась более заманчивая цель. Катили три полуторки с пушками на прицепе, и немецкие самолеты обрушились на них.

А мы приходили под прикрытием ельника в себя. Выпили по полкружки разбавленного спирта, а потом глотали воду из трехлитровой фляги. Малышкин дал мне зеркальце, и я убедился, что лицо у меня расквашено крепко – на танцы не пойдешь. Кроме этого, сильно болел бок. Я подозревал, что сломано ребро. Коля Малышкин, спасший нас своей мастерской ездой, сорвал с ладони большой клочок кожи и был весь в крови. Саня Духнин мят багровые руки и осторожно протирал их мокрой тряпкой.

Пули поклевали танк изрядно. Я насчитал двадцать с лишним вмятин, щербин и считать бросил. Крупный осколок прочертил глубокую борозду на лобовой броне. В общем, нам повезло.

– Это не война, а черт знает что, – размышлял Саня Духнин.

– А ты какую войну хотел? – насмешливо спросил Малышкин. – Как в кино. Наши бьют, фашисты удирают.

Я тоже поделился своими невеселыми рассуждениями о том, что до победы можем и не дожить. Хотя в собственную смерть не верил. Малышкин суеверно сплюнул. Посоветовал не молоть чушь.

– Какая чушь? – взвился я, находясь под жутким впечатлением обстрела, когда десятки пуль долбили по броне и, казалось, протыкают мозги. – Вспомните, сколько ребят из батальона похоронили! А сколько убитых на дорогах лежат! Тысячи!

– Не надо об этом постоянно вспоминать, – спокойно возразил Коля. – То есть, конечно, надо, но лучше думать о другом. Как немцев бить. О родных...

– Прямо замполит, – принял мою сторону Саня Духнин. – Учишь, о чем можно думать, о чем нельзя.

Мы едва не переругались первый раз за все время. Коля Малышкин примирительно заметил, что лучше еще немного выпить и перекусить. Выпили, съели по куску подтаявшей копченой колбасы и успокоились. Ехать дальше совсем не хотелось, но мы знали – придется. Приказ надо выполнять. Немного потянули время и двинулись вперед.

Метров через пятьсот остановились возле артиллеристов. «Юнкерсы» разбили батарею вдрызг. Четыре человека были убиты, несколько – ранены. Две старые трехдюймовые пушки с деревянными колесами валялись по кустам. Одну бойцы спасли, но катить ее пришлось бы на руках. От трех полуторок остались догорающие остовы. Батарея ехала к тому мосту, что и мы. Мы подцепили уцелевшее орудие на прицеп вместе с передком посадили на броню с десятков

артиллеристов и благополучно доехали до небольшого деревянного моста. Здесь, нервничая, ожидали команды отделение красноармейцев во главе со старшиной, несколько саперов и разведчик на мотоцикле без коляски. Кроме винтовок все войско имело лишь ручной пулемет и гранаты.

Старшина доложил лейтенанту, командиру батареи, что немцы совсем рядом обстреляли разведчика. Мост, от греха подальше, лучше взорвать. Я осмотрел илистую речку шириной метров пятнадцать. Возле моста пускала круги мелкая рыбешка. Подумал, что немцы с их техникой наведут переправу за пару часов. Разведчик подтвердил, что видел немцев в трех километрах отсюда, был обстрелян и даже предлагал посмотреть след от пули на заднем подкрылке.

– У нас этих отметин полсотни, – сказал Саня Духнин.

Все смотрели на него и ждали решения. Он не был самым старшим по званию, но приехал по заданию из штаба дивизии. Я подумал, что, если эти ребята здесь останутся, немцы положат их всех. Чего они навоюют с единственной пушкой и полусотней снарядов? То же самое, наверное, подумал и остальной экипаж.

– Надо взорвать мост ко всем чертям, – выразил свое мнение самый авторитетный человек в экипаже, Коля Малышкин. – Наши, если что, вброд перейдут, а немцы пусть повозятся.

– Точно, – подтвердил старший сержант Духнин.

Мы с удовольствием наблюдали, как саперы зажгли бикфордов шнур, и деревянный мост, наверное, так нужный крестьянам, разлетелся кучей обломков. Снова подцепили пушку и отвезли ее вместе с артиллеристами в расположение батальона. Пехота и саперы шли пешком.

Я неожиданно получил медаль «За отвагу». В представлении говорилось: «За уничтожение трех танков противника и сколько-то немецко-фашистских захватчиков». Было так. 16 июля немцы после сильных боев захватили Смоленск. Для освобождения города и предотвращения дальнейшего прорыва к Москве в сражение на восточном берегу Днепра были брошены все воинские части, находившиеся поблизости. Подтягивались резервные дивизии и бригады. Что мог я видеть из своего танка? Только крошечные частицы огромной войны. Немцы крепко получили по зубам под Смоленском, понеся большие потери. Но во много раз больше потеряли мы людей и нашей устаревшей техники. Во временные лагеря уже тянулись огромные колонны советских военнопленных, многие переходили на сторону врага, подняв над головой листовки-пропуска. Об этом не писали в газетах, не говорили, и мы не знали всех масштабов трагедии июля сорок первого.

От нашего разведбата остались рожки да ножки. Нам добавили танков, и мы занимались не столько разведкой, сколько затыканием дыр. В тот день восемь машин под командованием лейтенанта Истюфеева шли наперерез немецкой бронетанковой колонне, прорвавшей оборону пехотной части.

Немецкая колонна двигалась по проселку. Мы – наперерез. Остановившись километра за полтора, Истюфеев из «тридцатьчетверки» оглядел немцев в бинокль и принял решение ударить четырьмя танками в голову колонны, а взводу Корнюхина – в среднюю часть.

Немецких танков было девять. В том числе два Т-4, громадины по сравнению с «бэтэш-ками». Немцы начали их вводить в бой во время штурма Смоленска. Позади танков пылили четыре бронетранспортера. Это была одна из мобильных бронированных групп, которые, как шупальцы, запускались вперед, выискивая слабые места в нашей обороне. Как я потом увидел, они с маху смешали с землей позиции пехоты. Разнесли из своих орудий. Раздавили батарею трехдюймовок, малоподвижных и неприспособленных для борьбы с танками. При этом потеряли лишь один подбитый танк.

Наверняка, связавшись по радиосвязи со своими, они катили вперед, уверенные в своей силе. И наперерез неслась наша куцая рота, имевшая единственную «тридцатьчетверку», четыре БТ-7 и четыре БТ-5, выпущенных с завода восемь лет назад и уже безнадежно устарев-

ших из-за своей слабой брони. Мы превосходили немцев на десяток километров в скорости и еще – настроим.

Без вранья скажу, что большинство из нас были готовы к гибели. Для нас не оставалось пути назад. И те, кто рвался в атаку, и те, кто с удовольствием бы отвернул в сторону, хорошо понимали, что единственный шанс выжить – убить немцев. По прямой до Москвы оставалось всего пятьсот километров, ни одного крупного города. В развернувшемся Смоленском сражении, которое немцы слишком рано посчитали законченным, трусов и просто беглецов расстреливали на месте.

Набрав скорость, мы двигались двумя взводами через холмистое поле. Хотя нас прикрывали придорожные кусты, мы знали, что внезапного удара не получится – слишком открытая местность. Истюфеев выбрал единственно возможный вариант – ударить по немцам сразу. Мы были до такой степени измотаны боями и отступлением, что шли направо. Немецкий мотоцикл, вывернувшийся из низинки, круто развернулся, помчался предупредить своих.

«Тридцатьчетверка» Истюфеева и три легких танка, вырвавшись на прямую, приближались к дороге. Взвод Корнюхина немного отстал, но мы все же опережали немецкие танки, которые разворачивались нам навстречу, проламываясь через кусты.

Первыми открыли огонь танки Истюфеева. Мы, взлетев на бугор, остановились и по команде Корнюхина ударили из всех четырех пушек. Расстояние было метров четыреста. Корнюхин попал в цель, он вообще стрелял метко. Саня Духнин, промахнувшись, выстрелил еще раз. Рядом взорвался фугасный снаряд. Т-4, видимо, бил через кусты, не имея возможности прицелиться, рассчитывая, что взрыв 75миллиметрового снаряда оглушит нас. Своей цели он отчасти добился. Мы почти наскочили на взметнувшийся столб огня и земли. Танк встряхнуло. Пулемет вылетел из креплений.

Саня, у которого так и не зажили руки, вскрикнул от боли, но выстрелил третий и четвертый раз. Мы попали в Т-4, и он застыл. А Саня, вылезая со своего места, крикнул:

– Митя, садись за пушку. Я спекся...

Я пересел на его место. Коля Малышкин дал газ. Огибая островок березняка, мы быстро приближались к дороге. Один Т-3 горел, «наш» Т-4, поврежденный, пятился назад. Корнюхин и БТ-5 вели огонь по другим танкам. Второй БТ горел у нас за спиной. Я выстрелил в огромный Т-4. Мимо. Саня, перекаывая снаряд на согнутых крюком локтях, ловко вбил его в казенник. Еще выстрел. Лобовая броня Т-4 – пять сантиметров, но с трехсот шагов наша болванка прошла ее насквозь. Из боковых люков вывалились три немца, языки пламени били из передней смотровой щели, как будто стрелял огромный пулемет. Малышкин, увеличив газ, мчал, описывая зигзаги, на танк, выползший из кустов.

– Митька, бей, б...!

Кажется, орали одновременно и Духнин, и Малышкин. Пушка ударила, пустая гильза со звоном отлетела на кучку стреляных. Новый снаряд.

– Попали!

Это был Т-3. Был, потому что снаряд, проломив броню башни ниже пушки, врезался в боезапас. Танк взорвался метрах в пятидесяти от нас. Из него, кажется, успел выскочить лишь один немец. Танк Корнюхина полз, как черепаха, загребая землю одной гусеницей. Вторая тянулась следом.

Взводный стрелял из пушки, как из автомата. Вместе с БТ-5 они подожгли еще один танк. Снаряд врезался в танк Корнюхина в лобовую часть и, видимо, наповал убил механика-водителя, сорвал с погона башню, сдвинув ее назад. Корнюхин и заряжающий вывалились одновременно. Но если у лейтенанта был опыт тяжелой финской войны и погибший по его или чужой вине взвод, то башенный стрелок такого опыта не имел. Он не скатился, как Корнюхин, по броне, а неуклюже полез из люка. Пулеметная очередь прошла насквозь, вырывая клочья из спины и разбрызгивая кровь.

Я видел это, высунувшись, как дурак, из люка. Обхватив локтями, меня стащил вниз Саня Духнин. Малышкин дергал заевший рычаг сцепления. БТ-5, стреляя на ходу, обогнал нас. Оттолкнув Саню, я высунулся из люка и посмотрел назад. Танк Корнюхина горел, а сам он махал пистолетом, приказывая двигаться вперед. Проломив кусты, мы выскочили на дорогу. БТ-5, экипаж которого был мне немного знаком, попал под огонь нескольких пулеметов. Два бронетранспортера били по нему из крупнокалиберных и обычных стволов.

На расстоянии полусотни шагов 13-миллиметровые бронебойно-зажигательные пули пробивали броню устаревшего БТ-5 насквозь. Картина была жуткой. Брызги крошечных огненных взрывов плясали по всему корпусу и башне, вспыхнул топливный бак. Машина замедлила ход и пошла по кругу. Открылся верхний люк, но башенный стрелок, высунувшийся по плечи, был сразу убит. БТ-5 загорелся.

Наверное, впервые с начала войны меня охватила бешеная злость – не самый лучший помощник в бою. Я выстрелил и промахнулся, хотя до цели было меньше ста метров. Второй снаряд оказался бронебойным. Он ударил в верхнюю часть корпуса, наверное, кого-то убил, но транспортер продолжал вести огонь. Уже по нашему танку.

– Саня, фугасный!

Духнин выронил из рук приготовленный снаряд, и мы вдвоем затолкали в ствол осколочно-фугасный. На этот раз я целился точнее. Снаряд проломил взрывом окошко кабины. Через заднюю дверь выскакивало штурмовое отделение. Наш пулемет был исковеркан, иначе я положил бы их всех. Выстрелил три раза подряд из пушки. Кого-то подбросило взрывом, но два снаряда снова оказались бронебойными.

– Санька! – крикнул я на своего командира. – Нужны осколочные.

Но старший сержант Духнин, вытянув перед собой руки, бормотал:

– Они не действуют. Митя, я теперь безрукий.

– Стреляйте! – орал снизу на нас обоих Коля Малышкин.

Я сам зарядил пушку и ахнул в удлинненную, как свиное рыло, моторную часть. Из метровой дыры полетели обломки каких-то трубок, кусков металла, взвился столбом горящий бензин. Я вбил для верности в бронетранспортер еще один снаряд и открыл огонь по второму, удирающему прочь. Промазал раз-другой, а мы едва не попали под немецкий снаряд. Три танка на полной скорости пронеслись по полю с другой стороны дороги. Мешали целиться кусты. Поэтому ни я, ни они в меня не попали.

Мы собрались кучкой. Два уцелевших танка и человек двенадцать «спешенных» танкистов. У «тридцатьчетверки» Истюфеева заклинило башню. Корнюхин осмотрел распухшие руки Сани Духонина.

– У тебя кости поломаны, – сказал он.

Так впоследствии установили и врачи. У Сани еще в бою под Сенно повредило кисти рук. А взрыв 75миллиметрового снаряда окончательно вывел обе руки из строя. В горящем корпусе бронетранспортера вдруг начали взрываться гранаты и боеприпасы. Мы невольно отступили за танки. Сверху сыпались патронные гильзы, осколки, лопнувшие консервные банки и ошметки человеческих тел. Из кустов выполз раненый немец. Что-то крикнул, наверное, сдавался, по нему открыли огонь из пистолетов и наганов. Немец упал, снова поднялся и свалился в кювет. Подбежавший низкорослый танкист выстрелил три раза подряд из нагана.

Мы потеряли семь танков из девяти. Немцы – пять и бронетранспортер. Тяжелее всего пришлось взводу, которым командовал Истюфеев. С пятью своими танками он шел в лобовую атаку. Истюфеев оглядел горевшие немецкие машины и спросил Корнюхина:

– Виктор, кто танки подбил?

– Один – мой экипаж, а два танка и эту гробину, – Корнюхин кивнул на бронетранспортер, – Духнин со своими ребятами.

Саня, с обмотанными тряпками руками, сказал, что сработали и погибшие танкисты с БТ-5, и товарищ лейтенант, то бишь Корнюхин.

Язык у него заплетался, потому что Духнину налили стакан спирта. Истюфеев отмахнулся:

– Экипаж представить к медалям. «За отвагу».

Мы понесли большие потери, но не дали немцам прорваться. Несмотря на то что из связной роты остались всего два танка, мы чувствовали себя победителями. Потом Корнюхин сел в наш БТ-7 на место командира. Мы покатали сопровождать две санитарные машины к тому месту, где немцы прорвали оборону пехотного батальона.

По дороге Корнюхин рассказал, что командир дивизии распорядился выслать нам на помощь батарею редких тогда «сорокапятков». Батарея, потеряв одно орудие, заставила повернуть уцелевшие немецкие танки назад. Выходит, нам повезло. Мне тоже налили после боя спирта, и я ехал в хорошем настроении. Очень гордился, что получу медаль «За отвагу», которая ценилась не меньше ордена. Мне казалось, что, разгромив ценой больших потерь одну из бронетанковых немецких групп, мы остановили наступление немцев на Москву.

Мои иллюзии быстро исчезли. По дороге на нас высыпал несколько небольших бомб немецкий самолет-наблюдатель «Фокке-Вульф-189», или «костыль», как мы его называли. Разбил одну из санитарных полуторок и, постrelяв по нас, улетел. Но это была мелочь.

Вскоре я в очередной раз увидел страшное лицо первого военного лета. Среди стрелковых ячеек и недорытых окопов для орудий на поле, в переломанном кустарнике, лежали тела красноармейцев и командиров. Их было много. Может, двести, может, больше... Раздавленные гусеницами, исковерканные снарядами взрывами, срезанные пулеметными очередями. Лужи засохшей крови, над которыми роились мухи. Оторванные руки, ноги, вмятая в землю батарея трехдюймовок.

Среди этого безобразия догорал Т-3, подбитый батареей за минуты до гибели. Собравшиеся возле нас красноармейцы рассказали, что танковая колонна, «штук двадцать, не меньше», разметала и расстреляла батальон с его четырьмя пушками. Человек тридцать взяли в плен, они сидели под охраной возле подбитого танка, который чинили немцы. Перед этим они расстреляли комиссара и двух человек, похожих на евреев.

Смеялись, когда ремонтировали танк, обещали пленных отпустить, но через час вернулись три уцелевших танка и три бронетранспортера. Пленных расстреляли, а танк хотели утащить на буксире, но не сумели и подожгли. Мы посмотрели на расстрелянных бойцов. Они лежали тесно, почти касаясь руками, ногами друг друга. Все мертвые.

– Танков всего девять было, а не двадцать, – сказал Корнюхин. – А вас триста, не меньше. Кто бежит, того убивают. У вас и пушки, и гранаты. Могли сражаться.

– Могли – не могли, – огрызнулся старший лейтенант, без фуражки, но с винтовкой за плечом. – Они на танках... все в момент смели. Прямо с ходу.

– Другого и не ждите, – остывая, достал папиросы Корнюхин. – Немцы расчухаться не дают. Увидят цель и полным ходом вперед. Что теперь делать будете?

– Выполнять приказ. Бутылки с бензином остались. Гранаты только ручные.

– Вяжите в связки.

– Знаю. Раненых заберите и сообщите там, что мы без пушек остались. Комбата и комиссара убили.

– Ладно, – кивнул Корнюхин. – А ты кто?

– Командир роты.

– Закапывайтесь глубже, – посоветовал напоследок Корнюхин.

В полуторку и на броню нашего БТ укладывали раненых. Старший лейтенант собирал уцелевших красноармейцев. Снова готовились к обороне. Много ли они навоюют без пушек и понеся такие потери...

Спустя пару дней лейтенанта Истюфеева, меня и еще одного танкиста вызвали в штаб. Мы с танкистом получили медали «За отвагу», Истюфеев – орден Красной Звезды. Здесь я невольно ляпнул языком не то. Присутствовал корреспондент, меня попросили рассказать о сражении. Так и сказали «сражение», будто я вместе с Кутузовым под Бородино сражался. Я старался не врать и рассказал, как два бронетранспортера подожгли из пулеметов танк БТ-5. Командиры нахмурились, а комиссар с тремя шпалами меня поправил:

– Это были автоматические пушки. Большинство немецких бронетранспортеров вооружены пушками.

Я возразил, что стреляли из крупнокалиберных пулеметов, почти в упор. Какой-то командир веско заметил:

– Наши танки не всякая пушка возьмет, а ты говоришь, пулеметы! Ошибся в горячке, боец! А то корреспондент пропишет не то, что нужно.

И засмеялся. Остальные тоже. Я тоже вежливо засмеялся. Истюфеев сказал, что, конечно, рядовой Пикуленко ошибся. Подбитый им тяжелый бронетранспортер «Ганомат» имел на вооружении 20миллиметровую пушку. Я все понял и согласно кивнул. Потом Истюфеев остался с начальством, а нас с танкистом накормили гречневой кашей с мясом, налили граммов по двести водки и подарили две пачки папирос.

Когда шли к себе, я невольно оглядывал медаль. Большая, серебряная, на яркой колодке, она смотрелась солидно. Было только не по себе, что экипаж и взводного Корнюхина несправедливо обидели. Лейтенант и Коля Малышкин, угадав мои мысли, сказали, что это ерунда. Достали фляжку спирта, консервы, и мы хорошо обмыли награду.

– Так случается, – рассуждал подвыпивший Корнюхин. – Воюют все, а всех не наградишь! Носи смело, Митя. Заслужил.

А мое везение кончилось через неделю. Наш танк подбили, погиб Коля Малышкин, а мы все оказались в окружении.

Снаряд ударил в лоб нашего БТ, пробил насквозь Колю и врезался в мешок с ватниками, чистыми гимнастерками, запасными сапогами – барахлом, которым мы разжились на складе под Лепелем. Несмотря на развороченное бедро и почти напрочь оторванную ногу, Коля еще несколько минут жил. Мы с лейтенантом Корнюхиным вытащили его и положили на траву. Я хотел полезть в танк за новым пулеметом, который нам установили взамен разбитого. Пулемет, в случае потери танка, являлся моим штатным оружием. Корнюхин удержал меня.

Танк стоял, как сирота, с распахнутыми люками, но это длилось недолго. Следующий снаряд ударил под башню, и мой «бэтэшка», полученный в феврале перед днем Красной Армии, загорелся. Мы отнесли Малышкина подальше за деревья. Корнюхин вытащил из портсигара две папиросы и протянул одну мне.

– Рычаги управления разбило, – словно оправдываясь, сказал он.

Было это так или по-другому, я не знал. Но я верил в разумность действий спокойного, даже сейчас, лейтенанта. Меня подмывало куда-то бежать, но Корнюхин заставил остаться на месте и даже прикурил папиросу от своей зажигалки. Наши танки и бронемашины вели беглый огонь. Немецкие танки наступали. Их было раза в два больше. За танками шли тяжелые бронетранспортеры. Теперь я знал их название. «Ганомат». Снаряд взорвался метрах в тридцати. Горела бронемашина. В нашем танке взорвались снаряды, и башня свалилась, как шапка с головы.

Мы поднялись и пошли, накрыв мертвое лицо Коли Малышкина куском ткани, который я оторвал от нательной рубахи. Похоронить его не было возможности. Меня и еще нескольких безлошадных рассадили на танки, в бронемашины и на мотоциклы. Я сидел на заднем сиденье мотоцикла. Вместе со стрелком в коляску впихнули раненого. Они ехали обнявшись и пили по

очереди разбавленный спирт из фляжки. Потом глотнули мы с водителем мотоцикла. Лесная дорога укрыла нас от немецких самолетов.

Дней шесть мы выходили из окружения. Нас было много, может, тысяча, может, больше. Десятка три танков, бронемашин, мотоциклы, конные повозки с орудиями и людьми, остатки пехотных частей. Но я не скажу, что мы тупо брели или убегали сломя голову. Во-первых, дивизия начала свой путь на войне не с безудержного отступления, а с боев. Мы уничтожали немецкие танки, видели, как они горят и как разбегаются враги. Такой опыт и уверенность в себе многого стоят. Второе – у нас нашлись волевые командиры, которые за несколько часов сколотили из отступающей массы боевое подразделение, разбитое на роты и взводы. Это были комиссар с тремя шпалами (фамилии его не запомнил) и майор Крупский.

Наверное, я невольно перехожу на слишком бодрый тон. Окружение – поганая штука. Немцы наседали со всех сторон, и никто не был уверен, что мы сумеем пробиться. Нас сильно бомбили, спасал только лес, и мы снова спрашивали, где наши самолеты. На следующий день меня разыскал Корнюхин, ставший командиром броневого взвода из двух бронемашин БА-10. Посадил на место башенного стрелка, рядом с собой. Откровенно говоря, мне эта штука, знакомая еще по учебке в Калуге, очень не нравилась. Наши БТ-7, которые мы теряли в боях один за другим, были не в пример мощнее (400 лошадиных сил по сравнению с 50-сильным движком БА-10), и броня казалась такой надежной. Но выбирать не приходилось. Из танков нашего разведбата остались всего два БТ-7, один из которых вел ротный Истюфеев.

Смертельно усталые, мы находили утром рядом с собой новых людей, а кто-то исчезал. Однажды я видел такую картину. Тридцать или сорок бойцов двигались прерывистой цепочкой на запад. Они несли за плечами винтовки, но знаков различия на петлицах я не разглядел. Корнюхин, остановив танк, крикнул:

– Эй, кто старший? А ну, подойдите!

Он даже приказал развернуть орудие и пулемет в их сторону. Но люди молча пятились, исчезая среди елей. Сзади нас подпирали, и у лейтенанта не было времени разбираться.

Рано утром немецкие танки раздолбали разведку и пустились за нами. Танков было много, и мы шарахнулись назад. Возникла паника, но Крупский навел порядок. Поставил все пушки на прикрытие колонны, и мы двинулись в обход. Еще час слышали орудийные выстрелы, потом все смолкло. Наверное, артиллеристы погибли.

В другой раз, пересекая открытое место, мы приняли бой. Бой в окружении – это не то, о чем хочется вспоминать. Мы прорвали оборону немцев, смяли штук восемь противотанковых пушек, расстреляли пулеметные гнезда. Двигались через поле бегом, на ходу подбирая немецкие автоматы и патроны, оставляя свои догорающие танки и грузовики. На одной из повозок, с выломанной оглоблей и без лошадей, лежали тяжелораненые.

Мы остановились. Истюфеев дал команду перегрузить их на броню. Из-за деревьев били немецкие гаубицы. Тяжелый снаряд разнес танк, другой взорвался прямо в гуще пехоты, и стало уже не до этих раненых. Появился десяток новых, которых тоже надо было спасать. А как? Со стороны солнца заходили с воем сирен пикирующие «Ю-87» с растопыренными шасси. Сорок первый год был годом их торжества. С них начинались дни и ими заканчивались.

И мы спешили снова укрыться в лесу. Остановиться означало верную смерть. «Ю-87» проутюжили хвост колонны, отставшие машины и людей и догоняли нас в лесу. Снижались до сотни метров и находили свою цель. Мы пытались отвечать, вытаскивая пулеметы в верхние люки, но бронированных «лаптежников» сбить было трудно.

Крупский послал нашу бронемашину и два мотоцикла сопроводить полуторку в деревню, где вроде бы имелся колхозный гараж или автомастерская. Кончалось горючее. В пустых боксах и по домам мы набрали бочек пять бензина. Все были голодные. Колхозный бригадир открыл нам молочный склад. Пока грузили холодные со льда бидоны с молоком, в деревню влетели два немецких мотоциклиста.

Расстреляли в упор экипаж нашего мотоцикла, стоявший на окраине, и дали по нас несколько очередей. Вроде и настороже были, но двух ребят потеряли. Я влетел в башню, развернул пушку, а немцы уже на полном газу мчались назад. Выпустил им вслед снаряд, второй. Мимо. Они не любили зря подставляться. Зачем им против бронемашин воевать? Или танки ихние подкатят, или авиацию вызовут. Погрузили мы погибших ребят в полуторку и тоже ходу из деревни. Ну, хоть танки и машины заправили, раненых молоком напоили. На всех-то не хватило.

Вскоре, потеряв половину людей и техники, мы прорвались к своим. Кстати, никто нам не устраивал тотальной проверки на вшивость, допросов с мордобитием: «Может, вас немцы подослали?» Смотрю такие сцены в фильмах и удивляюсь. Вы чего, ребята, охренели, что ли? Никакого бы НКВД не хватило проверять отходящие части! Нас тысячи выходили. Конечно, кого-то трясали, проверяли. Но немногих. А по нас и так видно было, кто мы такие. Обрадовались пополнению (хоть и потрепанному) с танками, пушками, пулеметами. Покормили, дали сутки в себя прийти, и снова на передовую.

Запомнилось, как мы прикрывали переправу. Речка шириной метров тридцать, крепкий деревянный мост. Воробьевская переправа – так ее называли. Может, по имени деревни, расположенной неподалеку.

Наши свежие войска шли по ней на запад, а навстречу им катились разрозненные группы отступающих. За речкой их собирали в роты, батальоны и, подкормив, снова вели навстречу немцам. Уже во главе с молоденькими лейтенантами и капитанами-комбатами. Многим бойцам такой расклад не нравился. Чудом выжив, они не хотели снова возвращаться в пекло. Некоторые ждали, когда стемнеет, и переплывали речку, стараясь обойти посты. Но на восточном берегу их поджидали и задерживали. Несколько таких бойцов дали в наш батальон, защищавший подступы к переправе. Двое возмущались, орали, что контужены, а их, больных и несчастных, заставляют окопы рыть. Истюфеев цыкнул на них.

– Вы пекла еще не видели! – надувая жилы на горле, кричал наш ротный. Загорелый, тощий, в заштопанной гимнастерке с орденom. – Вот кто пекло видел! Три танка сжег и сейчас к бою готовится.

Он кивнул на меня. Я очищал от смазки снаряды. Отложив снаряд, сердито уставился на суетливого бойца, несущего от страха всякую ахинею. Если нас поставили охранять переправу, никуда не денешься. И нечего языком болтать!

Вечером, на закате, мы пошли с Корнюхиным искупаться. Выбрали местечко, распахали пятками тину и бултыхнулись в теплую водичку. Поплавав, сели перекурить. Тихий выдался вечер, даже стрельбы не слышно. За последние дни мы сдружились с лейтенантом Корнюхиным. Может, в отличие от других ребят, обкатанный жизнью и тяжелым трудом, я казался старше своих девятнадцати лет. Доверял мне взводный, хотя, если разобраться, оба мы были мальчишки.

Я узнал от него в тот вечер историю, приключившуюся на финской войне, которая принесла ему много неприятностей. Виктор Ерофеевич закончил военное училище в тридцать восьмом году. Женился, вскоре родилась дочь. Служба шла хорошо, взвод считался одним из лучших в танковой бригаде. В декабре тридцать девятого Корнюхин со своим взводом охранял дорогу и перевалочный пункт, куда свозили раненых и где ночевали бойцы по дороге на передовую.

Два деревянных барака, что-то вроде медпункта, небольшой склад и обслуживающий персонал: врач, две медсестры, санитары, тыловики-интенданты и караульные. Дорогу завалило снегом. Морозы трещали за тридцать. Приходилось по несколько дней не выключать двигатели. Полезли финны. Корнюхин со своими тремя БТ-5 отогнал их огнем пушек и пулеметов. Тогда финские снайперы-«кукушки» обложили кольцом танки и бараки, не давая высунуться.

– Кто высунется – выстрел, и готов человек. Окна в бараках побили, пожары от зажигательных пуль, – рассказывал Корнюхин. – Мы по кругу катаемся, то из пушки шарахнем, то из пулемета очередь дадим. Потом бензин стал кончаться. Остатками двигатели прогревали. Спиртом его разбавляли, чтобы подольше хватило. Финны немецкие противотанковые ружья в ход пустили. Калибр у них ерундовый, 7,92 миллиметра, но скорость пули высокая. Один танк подожгли, потом второй. Третий мы между бараками загнали. Они в него умудрялись попасть. Раза два двигатель загорался. Успевали гасить. Через четыре дня осаду сняли – наши пробились. У меня из девяти человек всего трое в живых остались, включая меня. Два сгоревших танка, в третьем вся система от огня и мороза полопалась. Кусок железа. На перевалочном пункте половину людей перебили. Меня – за шиворот и в особый отдел. Следов боя почти не видно, в броне маленькие дырочки, а танковый взвод накрылся. Спасло то, что я трех финских снайперов из пушки достал. Документы забрали, противотанковое ружье, винтовку с оптикой. Может, только это от трибунала спасло, а ходу с тех пор не дают.

Я, пацан, уже нюхнувший войны, хорошо понимал Виктора Ерофеевича Корнюхина. Его ровесники капитанами ходили, ротами, батальонами командовали, а он, умный, смелый мужик, три года на взводе топтался.

Вскоре обстановка на Воробьевской переправе резко изменилась. Немцы нанесли очередной удар, и через мост хлынули отступающие войска. Их уже не успевали сортировать и возвращать на передовую. Да и где она была, эта передовая, если стрельба доносилась со всех сторон? Участились бомбежки, хотя мост по-прежнему не трогали. Разбили гаубичный дивизион на другом берегу речки. Огромные снарядные гильзы взлетали, как ракеты, и плюхались, где попало. Однажды над мостом прошли на бреющем полете два «мессершмитта» и буквально смахнули огнем из пулеметов (пушки не использовали) человек тридцать красноармейцев. Трупы плыли по течению медленным жутким хороводом. Такого я никогда не видел. Вода шевелила их руки, волосы, казалось, плывут живые люди. Взрывы бомб подбрасывали их, сталкивая друг с другом.

В капонире разбило и подожгло бомбой танк, взлетели обломки двух трехдюймовых пушек. Обезумевший от боли и страха раненый бежал в сторону леса. Ему кричали, но вряд ли он что понимал. Истребители пошли на новый заход. Но еще с вечера по приказу майора Крупского сняли с машин часть пулеметов и приспособили их для зенитной обороны. Хоть и с промедлением, мы встретили «мессершмиттов» огнем. Один истребитель клюнул носом, но удержался и, едва не задев крыльями деревья, полетел к своим. Второй тоже скрылся. А потом немецкие танки подошли к переправе. Три бронемашины были закопаны в землю по самые башни, пушки стояли на прямой наводке. Мы отбили атаку, хоть и с потерями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.